

Анастасия Шерр
Анастасия Абрамова

БАНДИТСКАЯ САГА

18+

ТЫ МОЯ.
СЕЙЧАС.
И НАВСЕГДА.

БАНДИТ. *Ты останешься* МОЕЙ

18+

Анастасия Абрамова
Анастасия Шерр
Бандит. Ты останешься моей

<https://litres.ru/74603098>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я вышла из детского дома с одним чемоданом и знала, чего хочу. Поступить на юридический, найти работу, жить без чужого разрешения. Аслан Исаев появился на следующий день. Принёс цветы, пообещал защиту и решил, что теперь вправе распоряжаться мной. Я влюбилась раньше, чем поняла, кому поверила. А когда захотела уйти, он забрал у меня самое дорогое. Теперь мне придётся вернуться к человеку, которого я всё ещё люблю. И которого боюсь больше всех.

Содержание

Аннотация	5
Дисклеймер	6
Пролог	7
Глава 1	9
Глава 2	13
Глава 3	17
Глава 4	20
Глава 5	23
Глава 6	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

**Анастасия Абрамова,
Анастасия Шерр
Бандит. Ты
останешься моей**

Анастасия Абрамова

Бандит. Ты останешься моей

Бандитская сага

18+

Аннотация

Я вышла из детского дома с одним чемоданом и знала, чего хочу. Поступить на юридический, найти работу, жить без чужого разрешения. Аслан Исаев появился на следующий день. Принёс цветы, пообещал защиту и решил, что теперь вправе распоряжаться мной. Я влюбилась раньше, чем поняла, кому поверила. А когда захотела уйти, он забрал у меня самое дорогое. Теперь мне придётся вернуться к человеку, которого я всё ещё люблю. И которого боюсь больше всех.

Дисклеймер

Книга содержит сцены насилия, психологического давления, токсичных отношений и тяжёлые эмоциональные эпизоды. Все герои и события вымышлены. **Авторы не поддерживают насилие, абьюз и жестокое обращение в реальной жизни.**

Пролог

Замок щёлкнул за моей спиной, и я машинально остановилась. Восемнадцать лет ждала этого дня, а теперь стояла под дождём и не могла отойти от двери. В чемодане лежали два свитера, папка с документами и туфли, купленные к выпускному. Туфли натирали, свитера кололись, но всё это принадлежало мне. Никто больше не перевернёт мои вещи в поисках чужой пропажи. Никто не поднимет среди ночи, потому что кому-то стало скучно. Я поставила чемодан на мокрый асфальт и засмеялась, зажимая рот ладонью. Получилось со всхлипом, зато без оглядки на окна.

Пётр Семёнович ждал меня завтра. Наверняка уже убрал со своего кресла газеты и купил пряники, которые я любила в детстве. Он не был моим родственником, но другого дома у меня не существовало. Когда родители пили, я уходила к нему через общий коридор. Когда они погибли в пожаре, он пытался забрать меня к себе. Ему отказали, а он всё равно ездил в детдом, привозил книги, сердился на мои разбитые коленки и называл внучкой. Сейчас я ехала к нему насовсем. Устроюсь на работу, подам документы в институт, начну покупать ему лекарства сама. Я придумала столько хорошего, что даже дождь перестал раздражать. Подняла чемодан обеими руками и побежала к остановке, ещё не зная, как скоро начну мечтать об этой мокрой улице и возможности идти

куда захочется.

Глава 1

Аслан разбил бутылку о стену, когда Герман произнёс слово «остепениться». Стекло осыпалось на паркет, коньяк потёк по светлым обоям, а Герман даже не отступил. За годы их дружбы он научился отличать показную ярость от настоящей. Сейчас лучше было помолчать. Исаев стоял у окна бо-сиком, в расстёгнутой рубашке, и смотрел на собственное отражение. Тридцать четыре года. Город, в котором его фамилию произносили осторожно. Деньги, позволявшие месяцами расслабляться в борделях и ни о чем не париться. И квартира, куда он вечерами возвращался с таким чувством, будто опять пришёл в чужую койку. Женщина, оставшаяся до утра, уехала после первого грубого слова. Он даже имени её не запомнил.

— Семейю я хочу, Герман, а не очередную девку на вечер, — процедил Аслан, не оборачиваясь. Осколок хрустнул под его ступнёй, но он лишь переставил ногу. — Чтобы домой приходить хотелось. Чтобы сын рос. Это настолько невыполнимая задача?

— Ты мне её как заказ на стройматериалы выдаёшь, — отозвался Рогов и поднял с кресла хозяйский пиджак. Другим за такой тон доставалось. Герман знал Исаева слишком давно, чтобы изображать почтительность с утра до ночи. — Женщина тебе нужна живая. У живой свои желания будут.

С ними что делать собираешься?

Аслан посмотрел на него, и Герман отвёл глаза первым. Ответа не требовалось. Исаев привык устраивать жизнь так, чтобы чужие желания укладывались в его планы. Если не укладывались, людям становилось плохо. Он не считал себя жестоким без причины. Причина находилась почти всегда. За завтраком разговор перешёл к старому дому, мешавшему строительству. Жильцов расселяли уже второй месяц, оставался один упрямый старик. Квартиру ему предлагали, деньги обещали, а он сидел в своей коммунальной комнате и требовал, чтобы от него отвязались. Рогов собирался заняться им лично. Аслан велел взять деду продукты и обойтись без скандала. Ссориться со стариками ему казалось занятиями для мелочи, не сумевшей добиться уважения другим способом.

В коммуналке пахло сыростью и кипячёным молоком. Пётр Семёнович поставил перед гостем железную кружку и сел, опираясь ладонями о стол. Пакет с дорогой колбасой остался у порога. Рогов начал с предложений, перешёл к шуткам, а затем перестал улыбаться. Старик выслушал всё, даже не притронувшись к чаю. В эту минуту в коридоре заскрипели колёсики чемодана. Девушка окликнула хозяйку, заглянула на кухню и застыла, заметив постороннего. На мокрой куртке темнели дождевые пятна, прядь волос приклеилась к щеке. Рогов оценил её одним взглядом и слишком быстро отвёл глаза к старику. Пётр Семёнович побледнел.

— Таечка, милая, ты зайди пока в комнату, — попросил он, заставляя себя улыбнуться. Девушка поцеловала его в щёку, поздоровалась с гостем и послушалась. Рогов проводил её взглядом и постучал пальцем по столу. — На неё не смотри. Со мной разговаривать пришёл, со мной и разговаривай.

— Вот и поговорим, — согласился Герман, понизив голос. — Ты ведь понимаешь, что ей здесь оставаться незачем? Вечером подъезд пустой, свет не горит. Мало ли кто пристанет. Не стану я каждый раз разбираться, если ты и дальше будешь нам мешать.

Пётр Семёнович поставил кружку так резко, что чай выплеснулся на скатерть. Ругаться он не начал. Спросил адрес предложенного жилья, несколько раз заставил повторить условия, а Рогов терпеливо отвечал. Теперь торг двигался быстрее. На улице Герман закурил и позвонил Исаеву. К вечеру на столе Аслана лежали сведения о Таисии Беловой. Совершеннолетняя, выпущена из детского дома, близких нет, возвращается в комнату умерших родителей. На фотографии она смотрела исподлобья, сердито сжав губы. Исаев подвинул лист к лампе. Рогов говорил о расселении, о старике, о сроках, а Аслан рассматривал лицо незнакомой девушки. Закончив, Герман заметил, что его не слушали.

— Завтра сам съезжу, — произнёс Аслан, забирая фотографию. Рогов усмехнулся, но улыбка исчезла, когда Исаев добавил, глядя ему в глаза. — И с ней повежливее. Отдельно

тебе это объяснять не придётся?

Глава 2

Я отмывала подоконник, когда позвонили в дверь. Пётр Семёнович дремал после обеда, и будить его не хотелось. На пороге стоял мужчина, которому в нашем подъезде будто не хватало места. Широкие плечи в чёрной куртке, короткие волосы, татуировка, уходившая под рукав. Красивый. Это я заметила раньше, чем успела испугаться собственного интереса. Он смотрел на меня так внимательно, что захотелось проверить, не осталась ли на щеке грязь. Я убрала влажную прядь за ухо, а он улыбнулся. От этой улыбки всё стало ещё непонятнее. По виду ему полагалось требовать деньги, а он спросил, не продрогла ли я с открытым окном.

— Аслан Исаев, — представился он с легким акцентом и протянул руку. Я коснулась его пальцев, собираясь пожать и отпустить, но он задержал мою ладонь. — А ты Тая. Поговорить с Петром Семёновичем можно?

— Если по поводу квартиры, я его разбужу, — ответила я и осторожно освободила руку. Исаев заметил это движение. Улыбаться не перестал, только посмотрел внимательнее. Я отступила в коридор и вдруг страшно рассердилась на собственные мокрые рукава, облезлую дверь, тряпку, оставленную на полу. При посторонних наша бедность раньше не жгла глаза так сильно.

Он пил чай, слушал старика и следил за мной, когда я под-

ходила к плите. Я чувствовала это даже спиной. Пётр Семёнович несколько раз напомнил, что мы собираемся жить вместе. Исаев соглашался с такой лёгкостью, что я успокоилась. Только к вечеру обнаружила пропажу шарфа. Искала его под куртками, в чемодане, за креслом. На следующий день Аслан вернул шарф вместе с букетом роз. Объяснение получилось нелепым, будто взял по ошибке, сунул в карман и забыл. Он смотрел на меня и даже не старался выглядеть убедительным. Я догадалась, что ошибкой это не было. От догадки стало жарко, и цветы я приняла, хотя следовало бы спросить, зачем ему понадобилась чужая вещь.

— Вы всем жильцам розы носите? — спросила я, пряча улыбку за букетом. Он прислонился плечом к стене и наблюдал, как я пытаюсь подобрать для цветов достаточно большую вазу. Вазы не было, пришлось вымыть трёхлитровую банку. — Или мы у вас особенно вредные?

— Ты мне понравилась, — ответил Аслан. От такой ясности я едва не выпустила банку. Он подхватил её, поставил на стол и убрал с моего лица прядь волос. — Очень. И я не привык делать вид, что хочу чего-то другого.

Пётр Семёнович встретил его цветы молчанием. За ужином старик говорил мало, а когда Аслан предложил показать мне новую квартиру, поднялся из-за стола. Они ушли в коридор. Слов я не разобрала, но увидела, как дед сжал дверную ручку и ссутулился. Я решила, что они опять спорят о переезде. Хотелось посмотреть на будущий дом, хотелось ещё

немного побыть с человеком, который называл меня красивой и слушал так, будто ничего интереснее моих слов не существовало. В машине я рассказала о юридическом факультете. Аслан перестал улыбаться. Спросил, зачем мне работать, если правильно подобранный мужчина может обеспечить семью. Я засмеялась, уверенная, что он шутит. Он не смеялся.

Квартира оказалась светлой, с новой кухней и окнами на парк. В холодильнике стояли продукты, на полке лежали чистые полотенца. Я ходила из комнаты в комнату и не могла избавиться от мысли, что кто-то здесь меня уже поселил. На мой вопрос о документах Аслан ответил, что всем займутся его люди. Когда я заметила, что такой подарок слишком дорогой, он нахмурился. Пришлось собраться с духом и объяснить, чего именно я боюсь. Щёки горели от стыда, хотя стыдиться было нечего. Я не собиралась становиться чьей-то содержанкой за хорошие окна и полный холодильник.

— Я не продаюсь, — выговорила я, стиснув край кухонного стола. Аслан поставил чашку и повернулся ко мне всем корпусом. С лица исчезла насмешка. — Не обижайтесь. Мне нужно, чтобы вы это знали.

— А я тебя покупал? — спросил он негромко. Приблизился, но я выдержала его взгляд. — Нравись ты мне, Тая. Я хотел тебе помочь. И поцеловать хочу. С этим что будем делать?

Мне следовало уйти, пока ещё могла решать спокойно.

Вместо этого я посмотрела на его губы. Он заметил, наклонился, задержался на мгновение, и я сама потянулась навстречу. Поцелуй оказался совсем не таким, каким я его представляла. Я забыла о квартире и чае, о том, что завтра собиралась искать работу. Когда Аслан отстранился, мне хотелось удержать его за рубашку. Именно это желание и напугало сильнее всего. Он был почти незнакомым, а я уже боялась, что больше не посмотрит на меня так.

Глава 3

В тот вечер я слишком быстро поверила, что могу быть кому-то нужна. Аслан открыл вино, я выпила больше, чем собиралась. Он наливал снова, а я не заметила, как стало трудно следить за разговором. Отдельные минуты остались в памяти с неприятной резкостью, другие исчезли. Помню, что пыталась объяснить, почему мне надо домой. Помню его ладонь на моём затылке. О случившемся дальше я думать не стала. Утром, сидя на чужой кровати, я искала на полу одежду и не узнавала собственные руки. Аслан стоял у окна. Он злился на меня за прошлое, о котором даже не спросил. Будто я обязана была родиться, вырасти и прожить восемнадцать лет так, чтобы угодить его ожиданиям.

— Одевайся, — бросил он, не оборачиваясь. Я застегнула пуговицу не в ту петлю и возилась с ней, пока он не повернул голову. — Машину вызвать?

— Не надо, — ответила я и наконец подняла на него глаза. Хотелось спросить, где тот мужчина, который вчера держал мои замёрзшие пальцы между ладонями. Но этот смотрел так, что слова застревали в горле. Я нашла куртку, обула ботинки без носков и оставила шарф на кресле. Забрать его означало пройти мимо Аслана ещё раз, а я боялась, что разрыдаюсь прежде, чем выйду за дверь.

Домой я добралась пешком. Пётр Семёнович открыл, уви-

дел моё лицо и отступил, ничего не спрашивая. Это молчание добило. Я заперлась в своей комнате, села на пол и прижалась ко рту рукав, чтобы он не слышал. Мне было стыдно за вчерашнее счастье. За то, как поправляла волосы перед зеркалом, пока Аслан ждал в машине. За цветы в банке. За уверенность, что со мной наконец произойдёт хорошее. Дед несколько раз приносил чай, звал обедать, просил открыть. Я обещала и оставалась сидеть. Когда в коридоре раздался голос Исаева, подняться уже не смогла.

* * *

Он успел понять, что сделал, через несколько часов. Сначала раздражался на собственную злость, затем начал вспоминать растерянность Таи и то, как она путала пуговицы. Никакого обмана не было. Он сам выдумал себе женщину без прошлого и наказал живую девушку за то, что она оказалась другой. Признать это вслух Аслан не хотел. Зато уже мчался в коммуналку, уверенный, что разговором можно вернуть вчерашний вечер. Увидев запертую дверь и испуганного старика, ударил плечом в дерево. Дверь поддалась. Тая сидела в углу, в той же куртке, и закрылась руками, когда он шагнул к ней.

— Не трогай её, — произнёс за его спиной Пётр Семёнович. Аслан обернулся и увидел ружьё. Старик держал его обеими руками, крепко, без дрожи. — Ты уже наговорил и наделал. Теперь пошёл отсюда!

— Дед, опусти, — потребовал Аслан. Ствол опустился на

несколько сантиметров, и он решил, что победил. Взял Таю за запястье, потянул к выходу. Девушка вскрикнула, упёрлась пятками, но он лишь перехватил её повыше. — Мы поговорим. Наедине поговорим, хватит тут представление устраивать.

Выстрел оглушил весь подъезд. Аслан толкнул Таю за выступ стены и рухнул на колени. Она увидела кровь на его рубашке, бросилась к нему, а Пётр Семёнович выронил ружьё. Несколько минут они оба говорили одновременно. Тая звала на помощь, дед требовал принести полотенце, Аслан ругался, пытаясь достать телефон. Позвонить его помощнику удалось ей. Она назвала адрес, повторила, что Аслан ранен, и прижала ткань к его спине, не понимая, почему плачет о человеке, от которого ещё минуту назад пыталась вырваться. Помощник Аслана Герман Рогов приехал с врачом. В квартире стало тесно от мужских плеч и коротких приказов. Аслана увезли, старик остался сидеть на полу, а Тая пошла отмывать руки. Вода в раковине порозовела. Она смотрела на неё и никак не могла вспомнить, когда в последний раз нормально ела.

Так она пыталась заставить себя думать о чем-то другом. Не о мужчине, с которым провела ночь, была им изгнана из его логова, и о том, как Петр Семенович выстрелил в него.

Глава 4

После ранения Исаев молчал три дня. За это время нам поставили новую дверь, привезли продукты и сообщили, что переезд состоится, как договаривались. Пётр Семёнович не притронулся к пакетам. Я втайне проверяла телефон, ругаясь на себя за каждое движение руки. Боялась его звонка и ждала. Ночью опять приснился детдом. Я проснулась от собственного крика, сбросила одеяло и долго искала выключатель, хотя он находился рядом. Дед сел рядом, принёс воды. Мы не говорили о том, что мне снилось. Он знал. Этого оказалось достаточно, чтобы я смогла уснуть ещё на час.

На четвёртый день приехал Аслан. Бледный, злой, с непривычно осторожными движениями. Пётр Семёнович встал у двери и потребовал, чтобы разговор происходил при нём. Исаев согласился. Это удивило нас обоих. Сел на кухне боком к спинке стула, посмотрел на меня и спросил, кто такой Слава. Дед велел ему уйти. Аслан не пошевелился. От его неподвижности стало хуже, чем от прежних приказов. Он уже знал, что случилось плохое, и собирался вытянуть остальное, независимо от моего желания.

— Тебе зачем? — спросила я. Чашка дрожала, пришлось поставить её на стол. Аслан заметил, но руку не протянул. — Чтобы ещё раз объяснить, какая я тебе досталась? Мне первого раза хватило. Да, я испорченная! Можешь считать

меня грязной!

— Нет, — ответил он. Скулы его заострились, взгляд по-суровел, — Я был неправ. В том, что сделал, и в том, что наговорил. Хочу знать, кого ты боишься. Но если не скажешь сейчас, я уйду и узнаю сам. Лучше ты расскажи. Я могу расстроиться и кому-нибудь навредить, если услышу не от тебя.

Я поверила обещанию и заговорила. Не ради него. Мне надоело носить внутри чужой стыд. Слава был старше, уверенный, любимец девчонок. Когда он выбрал меня, я решила, что наконец стала заметной. В тот день мне исполнилось восемнадцать, но произошла какая-то путаница с документами и я продолжала жить в детдоме.

Он дарил мелочи, защищал от чужих насмешек и требовал благодарности. В восемнадцать лет я узнала, чем для него заканчивалось слово «моя». После насилия воспитатели велели молчать, директор назвал случившееся неприятностью. Пётр Семёнович добивался расследования, ездил, писал заявления, но меня заставляли менять показания, пугали и оставляли жить в тех же стенах. Я рассказала без подробностей. На некоторые воспоминания до сих пор не хватало голоса. Аслан слушал, глядя на мои руки, и за всё время ни разу не перебил.

— Теперь понимаешь, почему я хочу учиться? — спросила я под конец. Слезы высохли на щеках и стягивали кожу. — Чтобы хоть когда-нибудь знать, что делать. Куда идти, когда тебе говорят, что ничего не было. Я не хочу, чтобы ты за

меня решал, Аслан. Даже если решишь что-нибудь хорошее. Он поднялся с таким усилием, что пришлось опереться о стол. Обещал, что Слава ко мне не приблизится, и ушёл. Как я узнала позднее, в тот же день Рогов вывез директора детдома на разговор. Исаев добился имён, адресов и признания, что жалобы действительно прятали. Добивался так, как умел. Мне об этом тогда никто не рассказал. Вечером дед положил передо мной ключ от дома своего знакомого. Тот уехал к сыну и искал, кому доверить жильё. Дед подготовил всё заранее, но боялся, что я сочту это изгнанием. Я обняла его и держалась, пока он гладил меня по спине. Старый телефон оставила дома. На записке вывела новый номер, дед выучил его и сжёг листок над конфоркой. Я смотрела на пепел и впервые понимала, насколько он напуган.

Глава 5

Три недели я прожила почти спокойно. Ходила в ближайшую булочную, занималась по учебникам, вздрагивала от каждого большого автомобиля и всё реже просыпалась ночью. Хозяйский сын Антон заглянул за оставленными вещами в первый же вечер. Мы поговорили через запертую дверь, пока соседка не подтвердила, что это действительно он. Он смеялся над моей осторожностью без обиды, принёс на следующий день лампу для стола и больше не пытался входить без приглашения. Это подкупало сильнее цветов. Антон знал, что я собираюсь поступать, помог найти подработку и иногда оставался на чай. О Аслане я ему почти не рассказывала. Стыдилась признаться, что даже здесь скучаю по голосу человека, от которого прячусь.

В тот вечер мы отмечали мою первую зарплату. На столе стояли торт и два бокала, Антон сушил в ванной футболку, на которую я опрокинула шампанское. Я собиралась позвонить деду, рассказать о работе и первой самостоятельной покупке. В дверь ударили, Антон вышел в коридор. Исаев нашёл меня через знакомого Петра Семёновича, но об этом я узнала позднее. Старик не выдал ни адреса, ни нового номера, зато Рогов всех проверил. Увидев полураздетого Антона, Аслан не стал слушать. Ударил прежде, чем Антон успел спросить, кто он. Я бросилась между ними, но Рогов отвёл

меня к стене. От ударов дрожал старый шкаф. Я кричала, пока голос не сорвался, и всё равно казалось, что никто меня не слышит.

— Останови его! — закричала я Рогову, вцепившись в рукав. Он стряхнул мою руку и отвернулся. Тогда я рванулась к Аслану, обхватила его со спины и повисла, изо всех сил мешая двигаться. — Хватит! Ты убьёшь его! Смотри на меня, Аслан! На меня смотри!

Он замер. Я обежала его, схватила за лицо мокрыми ладонями и заставила встретиться со мной взглядом. На секунду показалось, что он меня не узнаёт. Вынесла из ванной футболку, сунула ему под нос мокрое пятно. Объясняла слишком быстро, сбивалась, злилась на то, что оправдываюсь. Отчего я вообще должна что-либо доказывать? Он выставил меня за дверь. Я ему ничего не обещала. Но на полу стонал Антон, и сейчас мне было важнее, чтобы Исаев перестал бить. Когда он отступил, я опустилась к другу. Аслан подхватил меня под руки и поставил на ноги. Я ударила его, он перехватил запястья. Рогов остался в доме, а меня Исаев вынес к машине. На своем плече.

— Я тебя ненавижу! — выдохнула я, ударившись плечом о сидение. Аслан сел следом, удержал дверцу, когда я попыталась выскочить. Я смотрела на его разбитые костяшки и не верила, что этими руками он когда-то поправлял мой шарф. — Ты слышишь? Я не поеду с тобой!

— Поедешь, — ответил он. Голос был почти спокойным,

и от этого хотелось закричать ещё громче. — Об остальном поговорим дома. Больше я тебя искать не буду.

В квартире с окнами на парк всё осталось прежним. Даже розы засохли в той же вазе. Аслан закрыл дверь, убрал ключ, и я поняла, что меня привезли не мириться. Он собирался оставить меня здесь, пока я не соглашусь на придуманную им жизнь. Снял куртку, приблизился, а я отступила к столу. Он остановился, увидев, как я ищу глазами выход. В эту минуту его лицо стало растерянным, почти чужим. Наверное, он действительно воображал, что я должна была обрадоваться возвращению.

— Вызови Антону помощь, — потребовала я. Аслан нахмурился, но я не дала ему заговорить. — Сейчас позвони. При мне. Иначе между нами даже разговора не будет.

Он позвонил Рогову и велел отвезти Антона к врачу. Я дождалась подтверждения, записала название клиники и лишь тогда позволила себе сесть. Ноги тряслись. Аслан опустил-ся передо мной на корточки, протянул руку, но остановился, когда я отшатнулась. Хотелось ударить его снова и одновременно хотелось, чтобы он обнял меня, сказал, что всё исправит. От собственной слабости становилось тошно. Он заметил мои слёзы и выругался, уже без злости, будто не понимал, как убрать последствия того, что сам натворил. Я попросила воды. Это было единственное, что он мог мне дать, не потребовав ничего взамен.

Глава 6

Утром дверь оказалась заперта, а на кухне сидел Рогов. Он пил кофе из чашки и читал сообщения. На просьбу выпустить ответил, что у нас другие планы. Аслан распорядился купить мне одежду. Я посмотрела на свои джинсы, в которых сидела ночью на полу, и рассмеялась. У Исаева имелся замечательный способ всё уладить. Сначала похитить человека, затем приодеть. Рогов велел не тянуть время. Я умылась, собрала волосы и вышла с ним, стараясь не показывать, как быстро соображаю. В торговом центре полно людей. Охрана, камеры, покупатели. Там меня не смогут держать за руку каждую минуту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.